

Отойти в сторону и посмотреть

Автор:

Татьяна Соломатина

Отойти в сторону и посмотреть

Татьяна Юрьевна Соломатина

Что такое время? Условная сетка, придуманная людьми, или безусловное, изначально существовавшее вещество? А если ей пятнадцать и сегодня она чуть было не утонула, а ему сорок – и через два дня он погибнет, что оно тогда такое, это время? И что такое «чуть было»? Разве может, например, смерть быть «чуть»?! Смерть, как и жизнь, – либо есть, либо нет.

Что такое любовь? Условный свод правил в отношениях между людьми, мужчинами и женщинами, отцами и дочерьми? Или Бог есть Любовь? Или Любовь есть Бог... А если ей пятнадцать, а ему сорок, он – друг и ровесник её отца, то о какой любви может идти речь, учитывая разницу во времени между ними?

Равно ли время, помноженное на любовь, любви, помноженной на время? И что же они всё-таки такое – легко сокращающиеся переменные или незыблемые константы?

И волнуют ли подобные вопросы подростка, тайком от родителей отправляющегося в Путешествие?..

Татьяна Соломатина

Отойти в сторону и посмотреть

Моей дочери М. Соломатиной

От Автора

Когда-то мы все бываем маленькими. Но это проходит. Хотя что-то остаётся в нас.

Мы наводняемся жаждой познания и становимся философами. И это проходит. Но что-то остаётся.

Борясь с сомнениями, мы становимся естествоиспытателями, бросая вызов механике науки и стали собственных нервов. Но проходит и это. И что-то остаётся.

Мы ищем, ищем, ищем... И находим. Но сомневаемся и не верим. А если верим – не решаемся...

Грош цена такой вере.

Сидя в кресле у приоткрытого окна, я вдыхаю аромат своих любимых цветов с длинными фиолетовыми лепестками, очень похожих на ирисы, и чувствую, что так много всего остаётся во мне, что я не выдерживаю – собираю всё это, как пыльцу, толку? в тяжёлой бронзовой ступке, что оказывается как раз под рукой, высыпаю на ладонь и бросаю в пылающий зеленоватым пламенем огонь камина...

Я не вижу, как странное дымное облако вырывается из трубы и, скользнув перекасти-полем по перламутровой крыше, просочившись сквозь заросшую виноградом каменную террасу, медленно подплывает к окну, за которым я сижу в кресле и, глядя на жаркий огонь, беспричинно печалюсь.

Доносятся глухие раскаты разыгравшейся далеко в море грозы. Такие вечера не перисто-голубые, а скорее пронзительно бирюзовые.

«Зачем я растопила камин так рано? Нужно было дожждаться дождя... Наверное, не хватает воздуха», – думаю я.

Не оборачиваясь, я протягиваю руку, открываю окно пошире и глубоко вдыхаю...

Отойти в сторону и посмотреть

(Книга первая)

– Ты что-то хотел предложить?

– Прогуляться.

– Мне собираться?

– Не стоит.

– Позволь...

Разве прогулка не требует сборов?

– А разве хоть что-то у нас не с собой...

Так себе идея

Всё просто случается однажды. Или не случается никогда.

Сидишь за столом, покусывая карандаш, ненавидишь все иксы и игреки на свете и вдруг подумаешь: «А что, если ты не ты, а, скажем, кошка...» Или... почему

кошка? Пусть любой зверь. Ловкий, сильный, умный. И зверю не сидится на месте. Зверь сидит на месте только когда спит. А так он всё время идёт или бежит. И не потому, что его где-то ждут, а как раз потому, что он не знает этого. И не может не идти.

Перелистнув тетрадь на чистую страницу, ты рисуешь дом или то, что могло бы им быть. Дорогу. Не от дома, а просто – дорогу, приходящую оттуда – возможно даже с предыдущей страницы, где только уравнения и решения, – и уходящую туда. К горизонту. Горизонт рисовать просто – это линия от края до края чистого листа.

По дороге в сторону горизонта идёт зверь. С рюкзаком и в кедах.

Не какой-то там недотёпа: пугливый, через шаг оглядывающийся – далеко ли он отошёл от норы. Нет. Этот зверь уже повидал кое-что. Не то чтобы... Но путешествие ему не в новинку. Он со всем возможным здравомыслием собрался в дорогу: что понадобится раньше – поближе – в кармашках рюкзака, хрупкое – в мягком, мягкое – к спине... Только то, что действительно нужно. Чтобы добыть пищу, утолить жажду, согреться. Никаких цепочек с плюшевыми зайчиками и розовых блокнотиков в сердечках! Только простые и выносливые вещи. Они должны вынести от начала и до конца одно путешествие.

Но путешествие не может быть предпринято просто так. Только потому, что ты этого желаешь и готов. Этого мало. Должна быть идея. Та, что позовёт. Или подтолкнёт. Или настроит... И идея совсем не похожа на то, что принято называть вдохновением.

«Вдохновение» – непутёвое слово. Вдохнул – выдохнул. По дороге, может, ещё успеешь сломать «как обычно последнюю» мамину иглу для чего-то там, прошивая капроновой ниткой подызносившиеся башмаки.

С идеей не так. Если она настоящая, то подчинит себе всё. Заполучив тебя, она превратит вечно скулящего щенка в пехотинца-легионера. В альпийского стрелка. В просоленного всеми морями на свете моряка... Она – как знамя. Гимн. Её нельзя потерять, не заметить или просто не воспользоваться, как вдохновением. Даже заставляя терпеть поражение, идея не оставит тебя. Она выше поражений и больше побед. Она оттуда, где ты, возможно, никогда не

будешь. Но... в этом и смысл! Что это за путешествие, которое – бац! – и закончилось. Оно должно длиться и длиться, длиться и длиться...

Путешествие – это как писать письма. Рассказывать вроде бы и не о чем – всё «как обычно». Но только начни писать, и сразу столько всего! И тут – то бумаги не хватает, то чернила в ручке пересохла. Пока бегаешь, ищешь, отвлекаясь по дороге... Сел – опять сказать нечего... Поэтому надо быть всегда готовым!

Кстати, о письмах... Вот если описывать всё и складывать в какую-нибудь коробочку... как в почтовый ящик?.. Тогда потом... совсем-совсем потом, открыть и достать! Та непонятная, далёкая, наверное, очень умная и всё ещё красивая пожилая женщина... Ей должно понравиться! Ведь целую жизнь она ждала эти записки. Чтобы узнать, как же оно всё было в этом далёком-далёком давно!

Странная идея... Честное слово, странная! А забавно могло бы выйти...

Глава первая: Путешествие

Символизм слов не обязывает наш разум облачаться в одежды метафор.

«Ну, здравствуй...

Что за глупость, честное слово! Пишу и думаю: «А вдруг не получится?» Или хуже того – всё получится, а я ошиблась. И завертится карусель – не остановить!

Что может выйти, если прожившая уже целую вечность вдруг знакомится с той, что только собирается эту вечность прожить?.. Что почувствует та, у которой всё ещё впереди?.. Будет смеяться? Расстроится? Засомневается или предвосхитит? Каково это – узнать, что оттуда, из вечности длиной в семьдесят семь лет кто-то говорит с тобой. Как будто смотрит...

Я задумала это путешествие для тебя... Или для себя?.. Не знаю, как и сказать... Мы вряд ли уже найдём друг друга. После того, как я сброшу с себя мантию времени, всё изменится... Так и хочется сказать: «навсегда». Но ведь ты – это я. И в то же время... Опять эти обороты! И в то же время это не так. Сложно объяснить. Я постараюсь, конечно, но немного позже. Сначала я хотела бы кое-что рассказать... С чего же начать?.. У всякого путешествия ведь должно быть название, правда? Красивое, простое, как ветер, вода, время или просто...

птицы

Помнишь, в том году съехалось много народа?

Как-то они там все сговорились. Родители, их друзья. Только свои. Сняли домики, комнаты, сараи – кому что досталось. Здорово получилось. Как-то помолодели, что ли, сразу. Шашлык, вино в белых пластиковых канистрах, салат из свежих обжаренных мидий с розовыми помидорами и ялтинским луком, дальние походы в Лисью бухту, рыбалка – одна камбала была такой огромной, что даже не верилось, – охота на куропаток с «уазика» кого-то из местных знакомцев, Чейз вслух на английском под вечерний портвейн, преферанс по копейке за вист под коньячок...

Благодатное лето. Впрочем, там был один мальчик... Вроде ничего. Но младше... Года на два, что ли?.. Ну да. Кажется, ему было одиннадцать.

Ты каждый год бываешь здесь. Но не каждый год так.

Может, поэтому не так хочется на море сегодня?..

Не так – это не значит меньше. Не так – это значит, появляется ещё что-то. Внутри Настоящего Путешествия ничто не хуже и не лучше другого. К примеру, идёшь за черникой в лес – ты так любишь подавить её с молоком и сахаром... А находишь стайку уютных белых. И бабушка варит на обед вкуснейший суп с молодой картошкой, зелёным лучком и сметаной. Или ныряешь в утреннюю прозрачную воду с отцовским подводным ружьём, чтобы гордо принести на завтрак небольшую кефальку или камбалу, а сталкиваешься с огромным чёрным

морским котом и следуешь за ним далеко-далеко в море, любуясь парением...

Просто море – одно. Мутное после шторма или глянцево-неподвижное в послеполуденном мареве. Опасное отнимающими силы волнами и надёжное тёплыми заводями мелководий. Пугающее уходящими в бездну подводными обрывами Кара-Дага и уютное заводоросленными островками, выступающими на поверхность скал и огромных камней. И такое, и сякое. Влекущее, ожидаемое. Но одно. Заморские страны и глубоководные чудовища – это совсем для малышей. Но для тебя, уже познавшей гибкую радость тела, парение над бездной и пульсирующие взрывы плоти от касания с ледяными придонными течениями в тенистых подводных гротах – это уже вызов. Шалый, дерзкий вызов. Полный радости. Как воздушный шар. Или даже как мячик.

Упругий мячик приключения. Шар приключения. Плоскости, ломаные линии, штрихи и закорючки целой Планеты Приключения...

Бывают дни, когда вдруг начинают резать глаз и даже раздражать бетонные сваи заброшенного старого причала. Ржавые остовы эллингов. Даже такие привычные урны по дороге вдоль пляжа... Раздражает не облезлая ветхость. Раздражает неестественность. Куда лучше смотрелись бы деревянные «палубы» настилов. Гравийные дорожки вместо асфальтовых. И паруса вместо копоты катеров и радужных разводов на воде у действующего причала морских трамвайчиков...

Ах, паруса! Мечта, вибрирующая между грот-мачтой и гиком. Мечта, наполненная ветром бесконечного путешествия! Когда-нибудь ты сможешь управляться со всем этим одна. А пока, под слегка насмешливыми и немного высокомерными – свойственными всем мужчинам – взглядами отца и его друзей, ты пытаешься намотать упрямый, как сто чертей, шкот на утку, больно стирая пальцы...

Море не виновато.

Море всегда с тобой. Не вокруг и не около. Именно с тобой. И не надоедает. Но когда что-то всегда, правда ведь, хочется, чтобы иногда становилось не так?..

Для не такого Бог сотворил горы.

Можно, раздувая щёки, кричать, что бутафорию южного берега Крыма и горами-то назвать язык не повернётся. Но это кому как. Если тебе тринадцать, и заряда внутреннего «аккумулятора», кажется, хватит ещё лет на тысячу, и ты не просто хочешь попасть на вершину, а залезть туда самым трудным, практически невозможным маршрутом, – то это горы. А горы – в отличие от моря – это то, что никогда не с тобой. Готов ты к этому или нет, но, соприкоснувшись, ты сразу знаешь – по тебе это или нет. Это тот редкий случай, когда люди безо всяких приближений и притянутых статистикой факторов делятся на две половины. Тех – кто «больше никогда», и тех – кто, даже если больше никогда, то: «лучше гор могут быть только горы». Чтобы узнать это, не обязательно оказаться на пике крымской горы, похожей на огромную сопку с торчащим где-то у вершины, как высунутый язык, утёсом. Достаточно, набравшись терпения, полдня тащиться по пыльным холмистым склонам, обдирая ноги о верблюжьи колючки и проклиная свою бредовую самонадеянность. Добравшись, понять, что, обогнув «язык» с другой стороны, ты без труда по натоптанной тропе поднимаешься к самой вершине. Как все. Поняв это, оценить пятнадцатидвадцатиметровый подъём по почти отвесной скале и, найдя единственную возможность, подтянуться до первого уступа, прильнуть к равнодушному камню и оторваться от земли. Но это ещё не всё. До момента истины три-четыре метра подъёма. Они проходят на азарте и на особенностях подножья. Но вот где-то там, когда понимаешь, что ноги – это уже не просто условие твоего равновесия, а странный инструмент выживания... Что угол наклона скалы иногда становится отрицательным, а продолжение пути невозможно, потому что ты просто не видишь следующей надёжной опоры... Вот теперь! Теперь пришла пора ощутить всю полноту, с которой скале на тебя наплевать. Ей всё равно – «оседлаешь» ты её пик или будешь валяться там, внизу, на осыпи осколков древнего, как окаменевшие раковины моллюсков, гранита. Ни вода, ни ветер. Ничто, созданное Богом на этой планете, не останется столь равнодушно-безответным к тебе. Решай...

(... – Сделай, пожалуйста, так, чтобы я знала, где ты и что!

– Мам, я вон на той горке была. Ты меня даже из посёлка могла видеть...

- Пропадаешь целыми днями чёрт знает где. Дима, вон, обижается...
- Ничего он не обижается, что ты выдумываешь!
- Ничего не выдумываю. Вчера весь день спрашивал и глазами всё по сторонам косил...
- Мам, он маленький.
- А ты у нас, что ли, старуха древняя уже?
- Я, может, и не взрослая. Но он – точно маленький.
- Всё, отстань от старухи, – смеясь, вмешивается отец. – Они к своим годам, знаешь, какие вредные становятся – не переспоришь.
- Короче, ты поняла? Чтобы я знала.
- Ладно-ладно.
- Не «ладно-ладно»!
- Всё! Поняла.
- Мы в Новый Свет завтра. ВСЕ ВМЕСТЕ!
- Мам, я не хочу...
- И Дима тоже...
- Что ты пристала ко мне со своим Димой?!
- Я тебе сейчас пристану! Хамка!

– Всё! Не трогай её. Пусть остаётся, – отец, хоть и защищает, но в тоне проскакивают нотки обиды. – Вовка тоже не едет – приглядит, если что.

– Ага. За ним бы кто приглядел!

– Не начинай...)

За первую неделю все окрестные скалы, подозрительные осыпи и расщелины были обследованы с дотошностью Паганеля, рассудительностью капитана Гранта и одержимостью его детей. Море не ревновало. Такое спокойное и ласковое, в эти дни оно мерцало издали уютно своей безграничностью. Как добрая тётушка после положенного застолья, прислонившись к плетню, одними глазами провожает любимого племянника в армию.

Сам Кара-Даг остался «за бортом» – слишком далеко. На такое предприятие однозначно не хватило бы времени «безнаказанной демократии», как в шутку говорит отец, когда вам изредка удаётся побыть просто вдвоём – пять-десять минут перед сном, спрятавшись в чернильной тени декораций персикового сада. Выскочив из жёлтого облака, освещённого одной лампочкой террасы, из трескучего роя ночных бабочек, вы шепчетесь и глотаете ночь. Не печальную и бесконечную, как дома. А такую же «бутафорскую», как и крымские горы, ночь. Ночь, где небо исполняет не ведущую партию, а является скорее фоном, драпировкой для запахов и звуков...

(... – Ты поосторожнее там, юный альпинист.

– Пап! А то ты не знаешь...

– Я-то знаю. И ты, может быть, знаешь. Но до конца не понимаешь. К этим реликтам, – отец машет рукой в сторону рваного контура вершины Кара-Дага, еле заметного на фоне всё более чернеющего неба, – подход надо иметь. Никогда, запомни, никогда не считай надёжным ни один камень здесь, ни одну скалу! Забьёшь костыль – а она, может, только на этой последней «спайке» и держалась...

– Пап, я не пользуюсь и не собираюсь пользоваться никакими специальными приспособлениями. Ты же сам говорил. Надо самому. Это естественно. А если естественно не получается – значит, нечего там человеку и делать.

– Естественно-неестественно, а пока семь раз не проверишь – не опирайся!

– Я знаю. Не волнуйся.

– Знает она... Знать – мало. Гора – это равнодушный хищник. Захочет – пропустит. Захочет – убьёт. Не потому что враг. А потому, что наплевать. Это бесконечная испокон веков, тихая и неумолимая война неорганики с органикой. И на этой войне ни на секунду нельзя расслабляться!

– Я сама хищник!

– Сопля ты зелёная! И единственная моя дочь по совместительству... И, к слову, живой хищник из плоти и крови – это одно. А камень – это... как тебе объяснить... Совсем другой ритм жизни. Он живой, конечно, как и всё во вселенной. Но нам – людям – проще понять и принять смерть, чем постичь восприятие мира камнем, даже приблизительно. Понимаешь, о чём я?.. О том, что в данном случае близкое, понятное и привычное по форме бесконечно чуждо по содержанию, бескрайне далеко по ритму и чуть ли не противоположно по мироощущению. Вот что такое камень... Ладно, пойдём спать. Ты правда не хочешь завтра с нами в Новый Свет? Там бухты – загляденье...

– Не обижайся, па, с тобой я хочу всегда и везде... Просто надо ещё кое-что разведать...

– Ладно, разведчик хренов, – бурчит отец, обнимает за плечи и целует в висок...)

...Зато «Три верблюда»[1 - Местное название характерной «трёхгорбой» горы в Лисьей бухте.], с её коварными полированными боками, неожиданными селевыми ложбинами, вымоинами и обрывами, была «обработана» в день похода «все вместе» на пляж Лисьей. Тогда неожиданно налетевший шторм посадил на трезубец горы густую наэлектризованную шапку водяных паров. Это была

феерия! Кульминация путешествия. Взрыв за спиной кизилового куста, в который попала молния. Безумный бесшабашный спуск по глинистой ложбине в потоках бурлящей воды, как на горных лыжах... И море! Принявшее в объятия вскипевшей от шторма, тёплой, как парное молоко, водой.

Вспышки, блеск, рокот, запах палёного дерева и озона, стремительное скольжение, внезапный простор безопасности и горизонта, и горячая массажная ванна в сполохах жёлто-зелёных солнечных лучей, струях песка и хлопьях пены!.. О боги, боги, зачем вы дали людям что-то большее?!

В Новый Свет вся компания срывается рано – часов в семь. «Прихворнувший Вовка» – следуя материной логике – будет «болеть» до обеда. Потом пойдёт «лечиться». Чтобы к вечеру «разболеться» окончательно. Но это не важно. Пару дней назад запланированная «разведка» так бережит солнечное сплетение, что уже с шести утра ты ешь на завтрак «что положено», моешь в рукомойнике стаканы и толстые бутылки из-под ряженки – на обмен, застилаешь постель, более или менее складываешь разбросанные по всей комнате и террасе вещи... И вот, наконец, последнее материно «смотри у меня!», странный взгляд отца и... блаженная тишина. Миг перехода. От всех к себе. Это... Это как... Вот хочется то ожерелье с развала на пристани за два пятьдесят, но «у нас бюджет». А оно такое... Такое! Не то чтобы... Там много таких одинаково-разных.

Но это – твоё. И ты уже и клянчила, и злилась. Использовала и шантаж, и подхалимаж. Но... «бюджет»! Железобетонный, как сваи старого пирса, «бюджет». Ты уже и забыла, и вдруг – раз! Пять рублей! Аккуратно свёрнутые вчетверо – явно неловко выпавшие у кого-то из запятой записки – на дорожке к столовой с запахами свежей запеканки с изюмом... Захватывает дух, скоропостижно умирает «гражданская совесть», и воскресшая «на третий день» мечта заставляет затаиться. И смаковать, и смаковать Великую Удачу.

Позже месяцами, как Гобсек, ты достаёшь своё сокровище «погулять». Оклемавшаяся от летаргического сна «совесть» не подпускает к последней радости Удачи – поделиться. Даже с отцом...

Так и сейчас. Величественная Старая Тётка Удача дождалась своего часа. Сбросила наконец «всехние» ритуально-старомодные наряды – и обнаружила

вдруг себя маленьким и в то же время не по годам мудрым зверьком. Задорным, но целеустремлённым. Смешливым, но полным планов действий...

Как можно не затаиться в такой момент?!

Откусив первый кусочек свежей чурчхелы, не повалить его языком во рту, смакуя и растягивая, потихоньку подбираясь к ядрышку фундука. А когда орешек освободится от последнего желатина, покатавать его справа налево, решая, и, наконец, раскусить. Одну половинку спрятать в защёчный мешочек, а вторую – медленно разжевать, ощущая всеми рецепторами, как близки вкусы всего естественного. Как сейчас – виноградного сока и лесного ореха... А впереди ещё целая гирлянда ореховых ядрышек на нитке, слитых воедино малиновой вязкостью виноградного «каучука»...

Вечность иногда имеет такие простые воплощения!

Не сама та скала так привлекла внимание два дня назад.

Сколько раз уже во «внутреннем календарике» ставилась пометка «не забыть», когда странный даже по крымским меркам утёс, именуемый местными под водочку «Пиком Ленина», мелькал за окошком рейсового автобуса или такси. Только подходы сдерживали и заставляли откладывать «разведку» до следующего «не забыть». Естественные подходы – это очень важно. Не менее важно, чем сама «разведка». А к «Пику Ленина», окружённому с разных сторон виноградниками, можно было подобраться только по шоссе. Разумеется, асфальтовому. Где-то с километр от поселковой площади...

Но был брошен вызов!

Тогда, с «площади» между почтой и столовой, было хорошо видно, как по гребню утёса поднимались «в связке» четверо альпинистов. Именно «альпинистов».

Никто и никогда не назовёт «альпинистом» юного сорванца, лазающего по окрестным скалам и расщелинам. Но если тот же сорванец делает всё это с помощью «приспособлений»... Кто-то стремится «к», а кто-то «от». Ещё одна, кстати, самодостаточная градация человечества на половинки.

Вызов был принят. И Старая Тётка Удача, обернувшись – впрочем, как обычно – совсем не тем, что о ней обычно думают, предоставила время для «дуэли».

Если, топая по асфальтовой дороге, смотреть не себе под ноги, а на раскинувшиеся по обе стороны трапеции и треугольники виноградников, то можно совсем не вспоминать о том, что люди делают с красотой планеты обетованной. Невспоминанию очень способствует совершенно неповторимый аромат сухой прелости, свойственный исключительно прибрежным областям южного Крыма. Ближе к морю – нотки «La Coast». Чуть глубже в материк – пряности от «Chanel». И только здесь – в двух-трёх километрах от прибоя, в камерных долинах – запахи смешиваются безупречно иррационально.

Прохлада утреннего бриза, пронзённая закипающей яростью нового солнца... Безумная яркость, не нарушающая покоя...

Шоссе как не бывало.

Ноги, соскучившись от однообразия горизонтального хода, с бугорка на бугорок проносят наэлектризованное утренним воздухом тело через сопку к подножью «зуба».

Почему «пик»? Скорее именно зуб. Или – обломок широкого клинка. Наконечник Эскалибура, замурованного в земной тверди вверх тормашками.

У подножья – колотые, местами треснутые пополам плоские глыбы. По ним легко. Но это уже не земля. Уютные формы – обманчивы. Светло-серый отлив каменных боков – искусно маскирует трещины и неустойчивость отдельных выступов. Выше – темнее. Или это просто тень солнца, оставшегося с другой стороны. Обратная сторона света...

Ты рыщешь взглядом, уже привычно прощупывая невидимые лишённому радости вызова «полки» и трещины.

«Альпинисты» шли по гребню. Их можно понять. Там всем их приспособлениям найдётся работа. Но ползти по кромке – форпосту горы в борьбе со стихиями, наиболее ветхому – без страховок – нет уж!

Только дураки могут думать, что здравый смысл противоречит романтике!

Хорошо, отец научил: никогда не отправляться в скалы одетой «по-пляжному». Свободные джинсы, куртка, ботинки. С подошвой, которая в состоянии уберечь ступню от остроугольного камня, но при этом достаточно эластичной, чтобы чувствовать – что у тебя под ногами...

Надо же. А зуб-то болен!

Из посёлка этого не видно – длинная трещина расколола всё образование снизу доверху. Ну, может, и не доверху... Там посмотрим!

Уклон – терпимый. Взрослому, конечно, было бы тяжеловато, но тебе, скрученной в спираль готовности, – легко. Как паучок, всеми лапками, фиксируя тело в распор, отдыхая каждые два-три метра подъёма, ты пробираешься по влажной и прохладной ещё с ночи расщелине вверх. Мечтая лишь об одном – чтобы концом стала вершина.

За очередным изгибом разлом вдруг распахивается, и тебя ослепляет горячим всплеском уже высоко поднявшегося солнца... Нет. Это ещё не вершина. Выглядываешь, цепляясь руками и прильнув телом к нагретому камню – над головой метра два с половиной – может, три – идеально гладкой отвесной скалы... Это нужно обдумать. Неудача здесь – значит, надо искать другой путь. А сегодня – сейчас – не хватит на это времени. Одно дело – для одного времени. По-другому – это уже другое дело. Так что надо осмотреться повнимательнее...

Вертясь в узкой расщелине, устраиваешься в распор спиной и ногами, полусидя при этом на пяточке размером чуть больше чайного блюдца, ещё раз благодаришь отца: крепкая джинса? принимает на себя все колкости и укусы камня, не желающего мириться с теплокровным соседом в своих недрах.

Долго засиживаться нельзя – солнце и ветер, играючи, быстро и незаметно заберут силы. А их всегда должно оставаться с запасом. Любой знает: спуск тяжелее подъёма...

Глоток воды из фляги, что болтается на тесёмке за спиной.

Взгляд вниз с высоты седьмого этажа – и ты видишь у подножья отвесной скалы осыпь крупных осколков, похоронивших под собой добрую часть кустарника. Ничто не вечно. Под дождями, ветрами и палящим солнцем доспехи горы трескаются, отслаиваются и обрушиваются вниз. Роза ветров определила именно эту сторону как наиболее подверженную стихиям – смотрящую на море. Посёлок – как на ладони...

Наверху – кромка верхней площадки. Заветная вершина. Практически рукой подать... Неужели никакой возможности? Так не бывает!

Вывернув голову чуть не наизнанку, чтобы осмотреть ту часть стены, в которую упираешься спиной, вдруг обнаруживаешь длинную, узкую – шириной всего в ладонь – «полку». Вот почему ты её сразу не заметила! Устроилась бы наоборот, и тут же всё было бы ясно, что дальше!

«Полка» полого идёт на подъём. Пара метров мелких – в полботинка – шажков, влипнув в стену, – и можно будет зацепиться первыми фалангами пальцев за край площадки. А это значит – всё! Ты на вершине!

Первая попытка «выйти на полку» приносит укол страха. Неудачный угол расщелины требует от тела совершить какой-то невообразимый изгиб. А брошенный взгляд на ощерившуюся осыпь у подножья в какой-то момент сковывает и не даёт проскочить «момент истины»...

Отдышаться, расслабиться. Стать безразличным, как глыба, внутри которой ты сам... Страх – как неожиданный шквал. Его нужно пропустить, ослабив шкот, но не меняя курса...

(... – Не рыскай по ветру! Так больше шансов, что следующий шквал застанет тебя врасплох! Чувствуй парус – половина тебя гибкая и упругая, как и он. Вторая половина тебя – это румпель. Упрямый, несгибаемый, но точный, как осциллограф...

– Я стараюсь...

– К чёрту старанья! Ты пират всех морей! Чувствуй!

– Не кричи, я их вижу...

– Не всякий шквал обнаружит себя рябью. Ветер – как леопард. Иногда он тихо и беспощадно бросается на тебя сверху со скалы!..)

...Со скалы... Господи, даже не думать! Нет никакой скалы! Есть стена. А на всякую стену можно влезть...

Со второй попытки тело мокрым газетным листом пристаёт к стене. Не успевший «к звонку» страх тенью огромной птицы по ветру уносит прочь.

Первый неглубокий вдох.

Левая щека быстро нагревается от камня. Чёртова клёпаная пуговица на куртке больно давит чуть выше солнечного сплетения... Нужно отпустить край расщелины и сделать первый шажок... Пальцы левой руки с неохотой разжимаются, и ладонь скользит по шершавой поверхности чуть вверх. Правая ступня, чуть ёрзая, начинает по сантиметру двигаться вдоль «полки»... Дьявольские пуговицы! Кажется, их скрежет может разбудить не только гору, но и «больного» Вовчика где-то там – внизу!

Сантиметр, ещё сантиметр и ещё... Ещё немного, и ты сравнишься по скорости жизни с камнем. Время растворяется в шершавых порах скалы и ветре. Кажется, кто-то огромный мягкими пальцами тянет тебя, как подложку из-под переводной картинки. А это нужно делать о-очень медленно и о-очень осторожно...

Пот течёт по желобку позвоночника... Когда мысли уже готовы вернуться и захватить над тобой власть, кончики пальцев правой руки вдруг соскальзывают с бесконечной плоскости в захват. Немного подтягиваешься, ещё продвигаешься вдоль стены – и вот уже и вторая рука, подтянувшись вверх, нащупывает край. Полный захват. Подтянуться, закинуть левую ногу, ещё подтянуться, рывок и пережат. Но осторожно! Через паузу. Бывает, что долгожданная площадка оказывается узким гребнем, обрывающимся в пропасть с другой стороны.

На этот раз «стол» размером примерно с кухонного брата. Можно лечь, раскинуть руки, и до краёв ещё немного остаётся. Совсем немного.

Пару глотков воды – и лежать. Лежать, закрыв глаза косынкой от жгучего солнца, и слушать, как успокаиваются и растягиваются в неге перенапряжённые мышцы. Можно даже подпустить поближе старого Дрёму. Но не ближе, чем он сможет овладеть тобой. Заснуть, не имея верёвок, чтобы привязать себя к безопасному месту?.. Лучше уж сразу прыгнуть вниз головой! Спасибо отцу за науку.

Лежать. Лежать в безмятежном покое парения. Без мыслей, без чувств...

Человек с закрытыми глазами не подвластен эйфории. Поэтому она носится вокруг и голосами чаек кричит: «Посмотри! Посмотри! Посмотри!» И шелестит бесплотными губами ветра: «Пусти меня! Открой глаза! Пусти меня!»

Открыть глаза – значит тут же оказаться в центре мира. С чувством необъятности, переполняющим сердце...

Мгновенно, на вдохе впитав в себя «сферу бытия», ты возвращаешься в тело. И уже на выдохе снова начинаешь воспринимать звуки, запахи, отдельные домики на склонах, лекала рисунков, что пишут ветер и течения на грунтованном холсте моря...

Где-то к четырём. Жара достигает предела – хотя здесь, наверху, этого так не чувствуешь, – но уже понятно, она вот-вот начнёт отступление. Ещё есть немного времени, сидя «по-турецки», поискать глазами «наш дом» в посёлке. Площадь с большой клумбой в центре видно сразу. И кипарисовую аллею перед колоннадой корпуса пансионата, и белые стены открытого кинотеатра, и даже кусочек пирса. И, конечно, безграничное сияющее Чёрное море. Почти белое там, где сливается с небом, безо всяких линий...

Ты вдруг болезненно начинаешь скучать по нему. Такое близкое – оно вдруг начинает казаться безумно далёким... Просто невозможным!

Как здорово было бы сейчас наблюдать за собственной тенью, скользящей по рябам дюнам прозрачного царства воды и света! Море единственное позволяет тебе парить...

Жаль, что сегодня – сейчас – уже не успеть. Время – странная субстанция. Облепив скрученное в спираль готовности тело, оно консервирует своё течение внутри. Но там – во внешнем мире – бесится и летит во все стороны, путая направления, отставая и навёрстывая стократно... В этих вихрях рождается и умирает наше сейчас. И наше потом. Но всегда что-нибудь остаётся. Всегда... Наверное, всегда – это просто – ещё...

Странный свист отвлекает от мыслей и заставляет среагировать поворотом головы... Чайка! Так близко! Видно, как вибрируют жёсткие перья крыла в упругом потоке ветра. Принеслась откуда-то и зависла в парении на уровне твоих глаз...

Это море присылает своих гонцов!

Тоска отступает, и ты начинаешь любить сильнее этих «глупых и неразборчивых птиц». Кому пришло в голову назвать их «глупыми и неразборчивыми»?..

Появляется ещё одна. И третья, чуть в стороне. Та, что ближе – первая, – слегка наклонив голову, неотрывно смотрит: «Почему? Почему? Почему?»

Потому что!

Расправив косынку, ты поднимаешь её над головой, как флаг. Птицы без испуга, как будто запрограммированно, смещаются чуть дальше в плоскости парения. Ни одного движения! Как им это удаётся?!

Хочется вскочить и нарушить эту безупречную геометрическую модель первобытным криком. Но нельзя. Площадка слишком мала. Караулящий где-то рядом в смещении плоскостей шквал леопардом кинется на зазевавшуюся по неопытности жертву! Громко хлопнет по куртке, напугает, заставит совершить неловкое движение...

Салют! Салют! Всё ещё плывущим в неподвижности птицам.

Но надо собираться обратно.

Немного воды. Всё проверить. Перешнуровать ботинки.

И в обратном порядке.

Спустить ногу. Вторую – через колено. С подмышек на предплечья. И, повиснув на пальцах, тянуть носок левой ноги в поисках опоры...

Ещё немного. В готовности чуть-чуть начинаешь ослаблять захват. Но опоры нет!

Склонив голову, видишь «полку». Но заглянуть через плечо за спину, чтобы понять, сколько осталось тянуться, нет никакой возможности. Пальцы автоматически впиваются в край площадки, и руки подтягивают тело вверх. Назад. В чём дело?..

Чуть отдышавшись, снова виснешь вдоль стены и тянешься, тянешься...

Нет.

До «полки» наверняка каких-то пара-тройка сантиметров. Ты знаешь это. Но не видишь, не чувствуешь...

Нужно просто отпустить руки и скользнуть по стене. Чуть-чуть упасть. Три сантиметра полёта в пропасть. Миг? Полмига? Одна восьмая?.. Опора неожиданно «ударит» снизу. Как отреагирует тело?..

Горячим гейзером волна из солнечного сплетения снова выбрасывает обратно на площадку. Дыхание сбито. Волосы под косынкой топорщатся от мелкой дрожи. Сердце, скованное обручем первобытного страха, бешено колотится...

Край солнца касается далёкой гряды.

Не хватало ещё застрять здесь, элементарно истратив все силы на нерешительность!

Ещё одна попытка...

Никак! Это невозможно! Невозможно!

Невозможно заставить себя отпустить последнюю опору. Прыжок в пропасть по доброй воле?! Но ведь всего три сантиметра!.. Да хоть три километра! Какая разница!

Низ живота начинает неприятно крутить. Руки холодные...

Нужно отдохнуть.

Лучше всего на животе – так не заснёшь. Ещё десять-пятнадцать минут, и солнце уйдёт. Останется только ветер. А ветер – это усталость. Быстрая и неизбежная.

Застегнуть куртку до конца, поднять воротник, руки под себя – ближе к животу. Внутреннее тепло надо сохранить. Пока отдыхаешь. А потом...

Потом нужно спокойно принять то, что прыжок совершить придётся. Видимо, это какая-то особенность человеческого тела. Рвущееся к вершинам, оно становится длиннее на три сантиметра своего стремления. Отступая же – группируется в своих законченных опасениях. Уговорить его, что стремления бывают разных

направлений?.. Нет. Не уговаривается. Тысячи поколений предков формировали для тебя этот чёртов ген, приспособиваясь к гравитации собственного дома!

Чайки пропали. Наверное, вернулись домой, чтобы с зеркальной глади спокойного сегодня моря наблюдать уходящий день. Солнце, хватаясь лучами за край земли, тянет его на себя, как одеяло. А «глупые и неразборчивые» птицы уходят всё дальше и дальше к горизонту, чтобы оттянуть момент расставания со светом. Но эта игра не бесконечна. В какой-то момент одеяло поддаётся и накрывает уставшее солнце с головой. И тогда птицы неохотно поднимаются с воды и возвращаются к прибрежным скалам, тёплым мелководьям и опустевшим пляжам. Чтобы перекусить чем бог послал и обсудить дела прошлые и грядущие...

Мысли о бесконечном море и птицах не приносят покоя. Но дают возможность отдохнуть.

Долго нельзя – становится прохладно. Всё, что не отнимет ветер, – заберёт в свои параллельные измерения скала. Нужно подниматься.

Камень остывает медленно. Но это обманчивое тепло. Тепло – приманка. Ловушка, расставленная одной формой жизни для незадачливых путников другой.

Размять кисти, подвигать ступнями. Воды – пара глотков. Один оставить. Мало ли...

Похоже, ветер меняет направление. Нагулявшись за день по окрестным хребтам и заливам, теперь он затяжными раскатами трубача задувает в долину пыль и запахи с внутренних равнин. Это хорошо. При спуске скала прикроет...

Нельзя! Нельзя! Нельзя!

Нельзя бесконечно висеть над пропастью!

Нельзя ждать!

Нельзя умирать!

...Снова площадка.

Леопарды шквалов, уже не скрываясь, с рычанием бросаются на вершину. Ночь – эта «бутафорская» ночь – тяжёлым камнепадом заваливает последние прорехи света в пространстве.

В посёлке светятся окна, террасы и фонари. Кажется, даже продираются сквозь ветер какие-то звуки. Уютные, радостные, домашние...

Ещё холодает. Это плохо. Очень плохо. Наверное, с внутренних равнин пришёл циклон. Только бы не дождь! Звёзд не видно. Всё вокруг заливают чернотой...

Если пойдёт дождь – конец! Если пойдёт дождь...

Пошёл дождь.

Невидимая морось обволакивает всё вокруг скользкой пылью.

Это последний шанс. Пока тёплый камень ещё в состоянии впитывать и испарять влагу.

Снова у «точки невозврата». За ней – бесконечное трёхсантиметровое падение в бездну... А вдруг «полка» скользкая?.. Только бы ноги не испугались «удара»! И руки... Не скрести пальцами. Непроизвольное неконтролируемое сокращение

даже самой маленькой мышцы может откинуть от стены. И тогда действительно бесконечный полёт. Куда?.. В прошлое? Будущее?.. Плевать! Наплевать на всё! Как всему наплевать на тебя! Даже морю! Присылать «гонцов»... Глупость какая! Зачем?! Если не осталось больше ничего...

Бездумно, безвольно в отчаянную черноту ночи ведёт тебя твоё стремление.

Пальцы разжимаются...

Знакомый свист за спиной. Мелькают чуть склонённая вбок маленькая головка и круглый немигающий глаз: «Почему? Почему? Почему?»

Падение...

Необъятный. Распространяющийся во все стороны вселенной шелест пуховых перин... Приятное тепло в основании шеи. Как касание... Так отец, думая, что ты спишь, обхватывает затылок своей огромной ладонью...

Падение...

Абсолютная тишина.

Идеально белая матовая колонна. Верхняя часть неровно сломана и выглядит как надкушенный бисквит. Орёл красиво парит вокруг, описывая круги в одной плоскости. Он имеет что-то общее с колонной и пространством...

Тридцать девять секунд полёта...

Падение...

Тьма клубами заволакивает колонну.

Орёл стремительно увеличивается в размерах, налетает. Его бездонный глаз без зрачка закрывает собой всё...

На миг вспыхивает полосками далёких огней ночь.

На границе всего слышен оглушающе пронзительный крик...

Парение...

(... – Ну, что ты с ней будешь делать! Окна все нараспашку! Теперь полночи комаров выгонять!

– Тише. Разбудишь.

– Как же, спит она!.. Правда, спит. Странно... Лоб горячий! Закрой окна, что ты стоишь! Может, разбудить – таблетку дать или...

– Не надо. Раз спит – значит, всё нормально...

– У тебя всегда всё нормально! ... Что тут под ногами, не пойму?..

– Перья. И здесь, на подоконнике – тоже...

– Слава Богу! Хоть на море была, а не по своим верхотурам карабкалась. Это ты её разбаловал! Учишь не пойми чему, а у меня уже нервов не хватает каждый день думать, вдруг сорвётся или...

- Странно. Зачем ей столько перьев? И на море вроде не собиралась...
- Охотником теперь твоя дочь заделалась! На чаек! Господи, если она ещё что-нибудь выдумает, я с ума сойду! Может, всё-таки разбудить?..
- Нет. Накрой лучше. Если простыла - за ночь с потом всё выйдет.
- Вот и будешь сам к ней всю ночь бегать - накрывать, лекарь доморощенный!
- А мы что, жить сегодня торопимся?
- Знаешь что!..
- Знаю, знаю. Всё знаю. Пойдём на улицу, по стаканчику.
- Холодно... Эта сикилявка, небось, до ночи торчала в своих «пиратских бухтах»
- и вот результат!
- Я тебе одеяло захвачу. Пойдём. Пусть спит. Завтра с ней поговорю.
- Ты бы лучше «поговорил», чтобы оторвой не росла! И не болталась по вечерам в одной курточке в такой...

ветер

Годом позже случилось что-то невероятное.

Тот самый «больной Вовка» - для друзей Макс - был как раз самый что ни на есть здоровый. Высокий, широкоплечий. Это он читал «оригинального» Чейза, заводил всех на «пульку»[2 - Партия в преферанс.], обожал охоту, рыбалку и «разведки». Геолог. Не из тех, что «поближе к тушёнке держатся», как говорит

отец, а настоящий.

Будучи научным руководителем по изысканию чего-то там в недрах необъятной родины, он каждый год возглавлял партию «отпетых камеральщиков», в компании которых и проводил с удовольствием время своей необузданной жизни то на берегах Подкаменной Тунгуски, то среди Кызылкумских барханов. Его знаменитое «Кто не пил с нами – должен ещё доказать свою порядочность!» – стало не просто притчей во языцех разношёрстных компаний, но и в своём роде кредо и даже гимном крепких, живущих, работающих и выпивающих в своё удовольствие мужчин...

В общем, долго сказка сказывается, да быстро дело сделалось.

Когда Макс – Владимир Максимович – предложил кое-кому из своих друзей – в том числе и отцу – разделить очередные «тяготы и лишения» полевой жизни в виде свадьбы его ташкентского друга, рыбалки на Балхаше и ещё всякого разного «по дороге», уговаривать никого не пришлось. Отец вообще «на подъём» никогда не задерживался. Мама поворчала, конечно, для порядка, мол, куда?! Ты – здоровый взрослый мужик, а она – девочка, за тридевять земель, мужская компания, и всё такое. Но вольный дух странствий – это вам не какая-нибудь там вшивая героиновая зависимость. Чтобы остановить – надо убить. А убивать мама никого не хотела. Так что... Хватай мешки – вокзал отходит! В смысле, аэропорт. Следующая остановка – Ташкент. База геолого-разведочной партии и...

Гамак меж двух стволов огромного грецкого ореха. Гора арбузов. Крепкие и умные мужчины, которым и хочешь в чём-то помочь – да не успеваешь. Арыки. Любящие лукавые глаза отца. Казан плова на свадьбе в двух кварталах от базы. В такой, наверное, Царь Горох и прыгал, когда хотел омолодиться. Туда с десяток этих царей влезло бы, и крышка бы закрылась. А что за пряный дух! Не от плова. Нет. От него, конечно, тоже... От всего!

От сазанов и толстолобиков на рыбном базаре, «распятых», как телята. От сахарной сердцевины арбуза, сорванного прямо на бахче и сломанного отцом об колено, – «остальное не ешь, здесь так не принято». От сухой с виду, но такой

живородящей земли виноградников и персиковых садов. От ковров в чайханах, где мужчины разливают водку в пиалы из фарфоровых чайников. От сочащегося битумом асфальта. От брезентового тента на биваке. От раскалённых скатов шестьдесят шестого. От блинов, которые на сорокаградусной жаре на костре жарят все по очереди, потому что «кое-кто» забыл погрузить на базе газовый баллон...

Первый переезд. Ахангаранская долина. Какое-то крупное месторождение[З - Ангренское угольное месторождение.]... Ангрен.

Отец говорит, что на староперсидском языке это означает – Долина Смерти. «Наверняка здесь в древности из-за выхода на поверхность угольных газов гибло много путешественников по Шёлковому пути. Долина уютная. Остановивались передохнуть, а поутру просыпались не все», – тут же добавляет Владимир Максимович.

Всё-таки умные и образованные мужчины – это вещь!

Когда всё, что ты знаешь о «крупных месторождениях», – это «условные обозначения» в атласах на уроках географии, то слово «крупные» как-то притирается, бледнеет, сжимается до обычного размера... А вот когда перед тобой открывается картина «кратера», в который когда-то упало что-то не меньше Луны!.. Вот тогда и обретают явный смысл все эти «крупные месторождения», «открытым способом»... А когда при спуске по карьерному серпантину навстречу «шестьдесят шестому» поднимается двухсотдвадцатитонный «БелАЗ»!!! Ощущение такое, что ты сидишь на табуретке посреди взлётной полосы, а на тебя вырывает аэробус! «Шестьдесят шестой» по сравнению с этим моторизированным домом – как детская машинка с педалями из «Детского мира» рядом с «КамАЗом»! Ну, или что-то вроде того...

Мужчины с кем-то разговаривают. Вокруг блеск, пыль, рокот...

Потом сто метров под землю в дребезжащей железной клетке, в касках с фонарями и с тяжёлыми аккумуляторами на лямке через плечо. В норы огромных мышей. «Пища богов» не просто сделала их великанами, но и нарастила железные доспехи. Какие-то клешни, валы, гусеницы... Минотавр умер бы от зависти и унижения, услышав в сводчатых чёрных коридорах их рык... «Никуда не отходи!»

Никуда не отходить!

Сто метров в бассейне – кролем – на двадцать вдохов. А тут каждый метр над головой давит. Какой там отходить! Боишься дышать... Необъятное, чёрное, тяжёлое и прекрасное Царство Земли! Господи! Да заплутать в керченских или одесских катакомбах было бы за счастье!

И снова солнце! Алчное и дарящее. Снежные шапки пиков Чаткальского хребта... И ты уже не веришь в царство Аида, планомерно изучаемое железными клешнями машин где-то глубоко под твоими ногами.

Немного печенья. Холодный чай из обшитой толстым войлоком армейской фляги... Макс подарил. «Пользуйся, я себе ещё сделаю. С утра в воду клади, чтобы войлок пропитался, и на солнце не оставляй. Всегда будет прохладный чай, поняла?..»

Вечером в Чимкент[4 - Шымкент.], который проскочили утром, – ужинать у друга Владимира Максимовича – владельца ресторана. Что-то ужасно вкусное. Похоже на тонкие ломтики отварного телячьего языка, но во рту тает, как пастила. С неподражаемым тонким букетом пряностей... Хозяин с полчаса пытается мужчин на предмет – угадать, из чего приготовлено. Никто не угадывает. «Это утка, ребята, обычная утка... И я бы не поверил, если бы сам не готовил!»

Весь оставшийся вечер мужчины пытаются хозяина с целью выведать рецепт. Тот вежлив, радушен, но непреклонен. «Семейный рецепт, двести лет уж как, извините. Ко мне полгорода на это блюдо ходит...»

Ночуем у него же в огромной квартире со множеством балконов и террас. Запахи карамели, дерева и старины. Седой от пыли «шестьдесят шестой» всю ночь скучает под окнами...

Рано утром ненадолго в Кентау – «по делам».

Дальше, огибаем южные отроги Каратау и поднимаемся севернее, к пескам Муюнкум[5 - Мойынкум (каз.) – песчаная пустыня на юге Казахстана.]. Базовый домик в посёлке с поэтично звучащим названием – Айгене. Мужчины говорят, что здесь задержимся суток на двое-трое...

День-другой без резкой смены обстановки и впечатлений – и ты немного успокаиваешься. Мозаичные фрагменты ощущений, наблюдений и мыслей наконец-то складываются в более или менее законченную картину.

Уже привычно – не идти на поводу у жажды, а удовлетворять её редкими маленькими глотками свежесваренного горячего зелёного чая или из фляги. Взгляд обнаруживает странную особенность – отклоняться от прямой линии и заворачивать за отдалённые объекты. Тело наливается соком и какой-то непонятной силой. Откликаясь на зов пустыни, оно мгновенно включается в жизнь с первыми лучами солнца. В самом прямом смысле! Спишь-то ты всё равно в спальнике на крыше «шестьдесят шестого». Зачем нужны эти дома с их такими неестественными кроватями?! Спальник – другое дело. Зелёный брезентовый чехол с капюшоном. Внутри – кокон стёганого матраса. Потом ещё один кокон – простыня. Тоже с капюшоном. А дальше уже ты... Получается матрёшка!

Первый луч, лёгкое дуновение ветра – и глаза распахиваются, не помня снов. Тебе вообще уже начинает казаться, что сны – это только для тех, кто недоживает наяву...

Выкручиваешься из «матрёшки». Встряхиваешь и раскладываешь освежиться простыню-кокон. Быстро спрыгиваешь на землю. Пригоршню воды в лицо из рукояйника. Свежую морковь из ящика около кухни. Плотно зашнуровать кеды – обязательно с носками – так реже придётся вытряхивать песок! Шорты, косынку, флягу приготовленного с вечера чая – и... бежишь на зов.

Километр, полтора... Нужно успеть. Это важно! Таким мир уже не будет весь день!

Белесовато-жёлтые в утреннем свете барханы горками рассыпаны на глинистом плотном буром «асфальте» степи. Связанные между собой полумесяцами и острыми стрелками гребней – результат филигранной работы позёмки, – они никого не ждут. Погружённые на рассвете в себя, они неуютные. Но и не чужие... Ты выбираешь один и, прислонившись к гладкому, как слоновая кость, стволу саксаула, замираешь вместе с новорождённым миром. С миром, который через твои глаза вновь с удивлением и радостью разглядывает сам себя.

Ни шуршание черепахи где-то у подножья, ни шелест редкого кустарника... Только прозрачный тихий свет. Ты, свет и ветер...

Ветер, который дует здесь постоянно. Не освежающий, но и не надоедающий. С ним просто смиряешься, как с силой земного тяготения. Он не помогает, но и не мешает. Но он не безразличен, как скала. Скорости ваших с ним жизней – в отличие от камня – сопоставимы. Вам дано понять друг друга. Но ветер старше всех на этой земле и скуп на эмоции. За миллионы лет он привык разговаривать сам с собой, и ко всякому встречному-поперечному ему уже нет охоты обращаться.

Лишь в редкие дни, когда солнце переваливает за предел пикового зноя – где-то часам к четырём-пяти, – вдруг безо всякой причины может наступить затишье. Настолько полное, что пустыню мгновенно охватывает марево зрительных иллюзий. Нет, это не миражи идущих у кромки горизонта древних караванов, конечно. Просто воздух начинает слоиться. Плоскости – изгибаться. На миг повисает та самая «звенящая тишина»... Потом фоновый шум возвращается. Но уже другим. Сонным. Как будто кто-то неловко тронул объектив, и картина звуков расплылась, расфокусировалась, оставаясь при этом узнаваемой.

Вечерние барханы – совсем другие.

Пахнущие теплом, они больше походят на оранжевые куличики, которые уставшие от стихийных битв титаны оставили в песочнице, расходясь по домам...

Главное – взобраться с подветренной стороны. Чтобы собственные следы не нарушили естественную геометрию линий и плоскостей, когда ты будешь, повернувшись лицом к заходящему солнцу, прощаться с миром. Даже такая простейшая вещь, как человеческие следы – в самом прямом смысле, – в состоянии испортить эту безупречную мизансцену. Что уж говорить о «следах», оставляемых людьми в куда больших масштабах!

На закате нужно сидеть, погрузив руки в тёплый песок. Только так – на контрасте – ты не пропустишь, что начинает холодать. Тогда поднимаешься, скатываешься на ногах вниз, оглядываешься на «испорченный» следами склон и бежишь обратно в посёлок. Скоро ужин!

Прежде чем нырнуть за деревья на окраине, ещё раз останавливаешься и бросаешь взгляд на простор: земля, утомлённая, но прекрасная, развалилась в колыбели небес. Вдалеке отроги Каратау в лёгкой дымке... «Чёрные горы»...

Даже не верится, что мир когда-то мог быть недобрым...

Водитель Лёха говорит, что сейчас «в подножьях самые грибы». Какие? «Да как белые! Но немного другие... более пористые, что ли? Выцветшие... И собирать их надо до первых песчаных бурь». А потом что? «Потом есть невозможно – вся пустыня на зубах скрипит!»

Лёха весёлый. Даже бравый.

Вы сговариваетесь завтра после обеда – когда машина будет никому не нужна – отправиться в предгорья за грибами. Отец не будет возражать – только на кухне прибраться.

Отец Лёхе доверяет.

«Он – нормальный. Шебутной только. Всё в бой рвётся... А где твой крестик?..»

Чёрт! Чёрт! Чёрт!!!

Бабушкин крестик!

Обычный, медный. На тесьме, завязанной узелком.

Бабушку ещё совсем маленькой крестила её мама. А потом бабушка отдала крестик своей дочери: «Это наш, семейный. Носи. Мне уже ни к чему...» А та отдала его тебе... Ну, не совсем отдала... Ты выпросила. Непонятно зачем. Просто так было нужно. Мама всё равно его не носила, у неё был красивый золотой, на тонкой цепочке. А у тебя после крещения – серебряный, но... Мама ругалась: «Носи тот, которым крестилась!» – но отдала. Потом она ещё немного ругалась, что ты «таскаешь» его на обычной тонкой кожаной тесёмке: «Потеряешь!» А потом всё стало, как стало, – у мамы свой, а у тебя свой...

Что же случилось?! Может, тесьма от пота размякла и порвалась при неловком движении?.. Наверное. Но где? Где?! Это же могло случиться где угодно! Где угодно... Угодно в пустыне. А там один песок. Песок, песок и песок! Нет. Не может быть. Этого просто не может быть!..

(... – Чегой-то вы тут как в воду опущенные?

– Крестик, вон, свой потеряла.

– Крестик?.. Ну, это не беда. ... Не расстраивайся. Крестик, если он свой, – вещь, конечно, нужная. Но без тебя – это просто кусок металла.

– Я не расстраиваюсь. Просто не верю, что он потерялся...

– Что должно появиться в твоей жизни – появится. Что должно уйти – уйдёт. Вера здесь ни при чём.

– А что не должно уйти – останется?

- Однозначно.

- Оно не ушло. Я знаю.

- Ну вот и славно. Знание – сила. А сила – это покой. Understand?..)

Планы на следующий день меняются.

Мужчины рано встают и уезжают куда-то «по делам». Говорят, что вернутся только к вечеру... С грибами придётся повременить.

Отец просит приготовить ужин. Ты долго думаешь, что пропустить: утренний зов или вечерний покой? Решаешь, что лучше всё сначала приготовить, а к ужину только разогреть. Тогда можно будет ещё до обеда отправиться в пустыню и попробовать поискать крестик. Вдруг он всё-таки упал не в песках, а где-нибудь по дороге?..

Шурпа – одно из самых любимых твоих «коронных» блюд. Плов вот у тебя не получается. Он – забияка. С ним нужно жёстко, уверенно... Наверное, это больше мужские черты, и прав отец, когда говорит, что ни одна женщина не приготовит его так, как мужчина.

«Шурпа – она хоть и суп, а всё равно – женщина. Любит, чтобы с ней разговаривали. Долго. Всё объясняли. Потакали... А с женщиной главное – терпение. Невзирая ни на что. Ни на время, ни на другие дела. Зато когда она насытится твоим вниманием, можно, обложив её мягкими подушками, спокойно оставить на время...»

У Макса лучше всех получается объяснять простые вещи.

Оставив казан с шурпой томиться под двумя сложенными одеялами, ты уходишь в пески ещё до полудня.

Выражение «полуденный зной» не годится для пустыни. Зной – он мягкий и удушливый. Густой, пряный, жужжащий... Полдень же в пустыне яростен. В брызгах бликов среди теней. Или клякс среди бликов. Кому как больше по вкусу. Но всё равно невозможно сосредоточиться...

Крестик тусклый – ты давно собиралась его почистить зубным порошком. Тесёмка посерела от пыли и пота. Как можно разглядеть что-то подобное на фоне бурой глинистой почвы или в песке, где, кажется, каждая крупинка отбрасывает свою маленькую тень?..

Три часа суетливой беготни среди барханов изматывают. Затылок и шея превращаются в экран для раскалённого солнца-проектора. Всплески позёмки вызывают глухую ярость – ведь именно они могут бесследно и навсегда укрыть то, что ты ищешь!

Усталость, блеск и ветер заставляют тебя найти хоть что-то похожее на уверенную тень. От ствола толстого саксаула или от изогнувшегося вопреки законам физики гребня бархана...

Короткие глотки из фляги снимают стресс. Но не приносят покоя. А в этом хаосе света и звуков оплотом может стать только покой. Но как его обрести? Что может указать верное направление в мозаике из тысячи тысяч похожих деталей?..

Ты всё-таки пытаешься сосредоточиться на бесконечной фреске вокруг. Через какое-то время приходит ощущение некоторой закономерности – и странным образом упрощает мир. Или мир упрощается и даёт ощущение закономерности. Некого законченного рисунка. Полотна. Орнамента...

Как следствие, это делает тебя более равнодушной. Первый шаг к покою. Здесь главное – не поддаться безразличию. Оно так же далеко от покоя, как репродукция далека от реального пейзажа, который художник густыми мазками любовно переносит на загрунтованный холст или картон... Безразличие опасно. Безразличие – пустая ловушка смерти. Ловушка, не требующая даже приманки...

...Время, время...

Растворённое мыслями и песками, оно превращает в песчинку и тебя. Свернувшись клубочком, ты засыпаешь. Это странный сон. Пёстрая пелена дремлющего сознания – и уютное соседство собственного тела, естественно встроено в узор бесконечного орнамента пустыни...

...Внезапный звон тишины.

Ты рефлекторно взлетаешь на бархан и ещё успеваешь впитать глазами первый миг, когда линии и плоскости начинают ломаться и кривиться. Стекать, как часы Дали[6 - Сальвадор Дали, «Постоянство памяти», 1931. Холст, масло. Музей современного искусства, Нью-Йорк.], с невидимых воздушных уступов. Неожиданно освобождённая от постоянных оков ветра пустыня тает. Тает и течёт, подкрашенная первыми признаками оранжевой усталости солнца...

Случись такое в блеске дня – и это было бы дерзко.

Даже страшно.

Но на закате мир беззащитен...

Ты инстинктивно пригибаешься и садишься, скрестив ноги, чтобы не пугать его. И он, как будто в благодарность за понимание тонкости момента, распахивает перед тобою шатёр долгожданного покоя...

Что тут скажешь. Разве словами – этой вязью из паучков букв, интонаций и пауз – можно объять выдох удовлетворённой Вселенной?.. Разве кто-нибудь будет против / Когда время основа твоя / Рухнет / И в мире напротив / Мы окажемся / Ты или я...

Незаметно наблюдать мир из покоя – это совсем не то, что сосредотачиваться. Или «медитировать». Отец вон все уши прожужжал этими своими «медитациями». Сам сядет иногда где-нибудь в сторонке, и – не тронь, не подойди! А потом много говорит. Объясняет. Описывает... Только никакого покоя там нет. А здесь...

Ни одного движения. Ни веточка, ни травинка не шелохнётся. Ни птица не пролетит. Пески в мареве кажутся постаревшими. Но так красиво постаревшими. Благородно. И всё – одно. И солнце. И небеса. И горизонт. И гладкий ствол саксаула. И ты...

Во вселенной всего движения – что только лёгкий поворот твоей головы. Просто чтобы убедиться – что само движение ещё есть, не ушло из мира навсегда.

Всё расплавлено, слито, сковано воедино и живо. Живо в оцепенении. Но как не бывает живо никогда. И вдруг...

Что это?! Взмах крыла? Движение соседнего гребня?.. Почудилось...

Нет! Вот ещё раз!

Да это же обрывок бумаги!!!

Кувыркаясь в замершем древнем воздухе на время брошенной ветром пустыни, белый лист выскакивает на открытый пяточок между соседними барханами – маленький пыльный смерчик – высотой от силы метра полтора, – поигрывая им, не спеша, движется мимо тебя...

Ты замираешь так, что, кажется, ток крови останавливается. Только бы не разрушить это чудо. Не спугнуть... «Странно. Очень странно...» Мозг пытается найти объяснение. Как – посреди неподвижного моря воздуха и песка – что-то может естественным образом так двигаться?.. Или кто-то?.. Но он же всё-таки ветер! Завихрения там, всякие «области давления», потоки...

Ещё пара мгновений – и миниатюрный смерчик, странное существо пустыни, скроется в песках...

«Эй!»

Всегда произвольный оклик, когда на бесконечных просторах вселенной встречаются двое незнакомых живых...

Пыльный столбик замирает и роняет бумажный клочок на землю. Ну вот, испугала...

«Не бойся...»

Одними глазами...

Вы смотрите друг на друга. Вечность переворачивается вверх дном...

Как будто что-то поняв, столбик пыли подхватывает обронённый лист и, сменив направление, начинает движение вокруг твоего бархана. Один круг, второй... Ты не шевелишься, а только медленно поворачиваешь голову, чтобы не потерять его из вида.

«Ты откуда? ... Здесь живёшь? ... А куда? ... Поиграть? ... А-а... А я вот просто сижу... Потеряла кое-что... Теперь просто сижу. Отдыхаю...»

Смерчик вновь замирает. Клочок бумаги плавно колышется на уровне его «головы». Вдруг, как будто опомнившись, он резко меняет направление движения и исчезает за соседним гребнем...

Даже не попрощался...

Ну и что. У него дела. Да мало ли... Может, позвал кто-то... из своих...

Пыльный столбик вновь выныривает из-за бархана и останавливается.

Нет, не убежал!

Снова исчезает. И тут же через пару мгновений появляется... И так несколько раз. Что он делает?.. Белый клочок бумаги уже не плавно колышется, а нервно вздрагивает и подпрыгивает. Может, он чего-то хочет?.. Зовёт куда-то?.. Точно! Он зовёт за собой!

Быстро вскакиваешь, ещё не веря в то, что происходит, и скатившись на ногах по песчаному склону, пробегаешь несколько метров. Смерчик уже далеко в стороне. Азарт омывает изнутри, и ты бежишь, бежишь, поддаваясь странной игре...

Вдруг что-то проносится прямо перед лицом. От неожиданности ты останавливаешься, как вкопанная, почти пугаясь.

Маленький вихрь вибрирует на месте в нескольких шагах от тебя. Обрывок бумажки неподвижно лежит на земле рядом с ним. В прозрачном текучем мареве, которое уже больше походит на воду, ни единого движения. И смерчик – этот невысокий столбик пыли, вращающийся вокруг своей оси, – создаёт ощущение законченной неподвижной формы.

«Что дальше?..»

Смерчик вдруг исчезает.

Просто прекращает кружение и рассыпается. Пыль медленно оседает на землю...

Ты подходишь к месту, где он только что был, наклоняешься – и не веришь своим глазам! Из-под бумажки выглядывает обрывок знакомой кожаной тесёмки... На ней крестик. Тусклый, медный, перехваченный узлом...

(... – Всё-таки нашла?

– Да. Он сам вернулся... Точнее... Как тебе сказать?.. В общем, он и не терялся.

– Не терялся?!

– Ну, я же говорила тебе, помнишь?.. Его, конечно, не было некоторое время со мной, но он не терялся, понимаешь?

– Не очень, если честно.

– По-вашему, ну, в смысле, как обычно – вещи теряются. А на самом деле – нет!

– Ты меня пугаешь.

– Пап, ты же ничего не боишься!

– Я не сказал, что боюсь. Я сказал «пугаешь». В хорошем смысле... Когда взрослые люди, вроде меня, произносят такие слова, они на самом деле хотят сказать, что заметили что-то, что им вроде бы по душе, но при этом чувствуют, что до конца им этого не понять и не принять. А это пугает. Просто такое подходящее слово...

– Ладно.

– Ну, так где ты его потеряла?

- В пустыне.

- Это немудрено. Но нашла-то ты его там как?

- Пап, если я тебе просто расскажу, ты подумаешь, что я всё выдумала. А если поверишь - это тебя ТАК НАПУГАЕТ!

- С каких это пор ты взялась надо мной издеваться, а?!

- Па-ап!

- Ладно. Не хочешь - не рассказывай. Нашла, и хорошо... И спасибо за ужин. Ещё тёплый был, когда мы приехали. Только записку оставляй в следующий раз, если собираешься задержаться...

- Я не собиралась.

- Тем более... Кстати, Макс тебя за шурпу хвалил, что за ним обычно не водится.

- И что сказал?

- Сказал, что ты разобралась, что к чему. По вкусу видно.

- Так ведь он меня и учил... А тебе как?

- Я такой голодный был, что, наверное, и сырого барана бы съел!

- Понятно... А Макс-то сам где?

- Лёха его в другой посёлок повёз. Они там переночуют. Сказал «по стратегическим вопросам».

- Это что значит?

- Сама у него завтра спросишь. Он утром заедет, и двигаем дальше. Здесь всё.

– А куда?

– Сначала в Дзезказган ненадолго. Кстати, попаримся – там у геологов баня хорошая. А потом решим – на Балхаш рыбачить или сначала на Байконур заскочим – там Юрка сейчас... Не знаю. Посмотрим. Крюк приличный, конечно... Я бы лучше сайгаков погонял. А то мы на озере за неделю от рыбы очертенеем!

– Так мы туда на целую неделю?!

– Около того.

– Здорово!..)

Дзезказган.

В бане тяжело. Даже на нижнем полке?.

Отец посмеивается: «Привыкай».

Зачем?..

Между заходами в парную все отдыхают на веранде, завернувшись в простыни. Разговаривают мало. Пьют зелёный чай.

Ты не хочешь больше париться. «Зря», – с лёгкой обидой бросает отец и уходит. Все уходят. Макс остаётся.

(... – Я тебя научу. Тут всё дело не в ощущениях, а в отношении. И не только в бане дело. Это общий принцип. Горькое, как правило, полезнее сладкого. Трудное – забавнее лёгкого. Недостижимое притягивает нас сильнее того, до чего рукой подать. Вот и баня – это труд. Очищение. И не только для тела, кстати.

- Мы и так паримся каждый день.

- Это верно. Но мы делаем это как бы вынужденно, неосознанно, понимаешь?.. Мы здесь. А здесь - жарко. И ничего не поделаешь... Нам жарко - но мы заняты делом. Но другим делом. Не самой жарой. Мы постоянно чем-то заняты. Поэтому когда появляется возможность...

- Нужно отдыхать! Я помню. Вы сами говорили, Владимир Максимович.

- Правильно. Но отдых-то бывает разным. Как и усталость. Бывает, человеку нужно отдохнуть - и он совершает кругосветное путешествие на шлюпке размером с чемодан. Все кричат, что он псих, и завидуют. А бывает, другому человеку нужно что-то сделать, а он ложится на диван с кипой журналов «Катера и яхты» и думает, чего это такая усталость навалилась. И все ходят на цыпочках и жалеют его...

- Но все всегда говорят, что идут в баню отдохнуть?..

- Слушай их больше! Только плебеи думают, что баня - это отдых. Пьют, балагурят - какой там отдых - в живых бы остаться! В жизни нет места отдыху. Прав был дедушка Ленин: лучший отдых - это смена деятельности. Запомни. Так что живи, борись, бросай вызов. Да хоть и себе самой, если больше некому. В тебе это есть, я вижу. Ни в малом, ни в большом не останавливайся. Всё стоит наших усилий... Даже осознанная жара! Поняла?.. Ну что, пойдём, потренируем сердечную мышцу созерцанием высоких температур наших сомнений?

- А она что, тренируется?

- Я же тебе сказал - нет ничего забавнее и полезнее трудного...)

Ночуем в степи.

Никто не хочет «париться» в домиках базы местной геологоразведки. Погода прекрасная. Ветер - тёплый шёлк, небо - бесконечный ситец звёзд...

Мужчины – каждый себе – выбирают «на глаз» места поуютнее, куда ставят раскладушки. Кидают на них сверху тонкую овечью кошму?, чтобы равномерно свисала по краям, потом уже спальник. Всё. Готово. Ни тарантул, ни фаланга, ни скорпион не побеспокоят ночью. Инстинкт самосохранения держит их подальше от запаха овечьей шерсти. Тысячелетняя история миграций копытных прошла в геноме этих насекомых страх быть втоптаннами в вечные пески.

Засыпая на крыше «шестьдесят шестого», ты видишь сквозь полусомкнутые веки только глубину за тюлем Млечного Пути. И мечтаешь – как было бы здорово полететь туда и найти что-то такое, что ни описать, ни предсказать, ни объяснить... Но не одной. А с тем, кто такой же, как ты. Кто полетит, не задумываясь... С Максом... «Нет ничего забавнее трудного...» Но и, похоже, – ничего труднее простого...

Тело, очистившееся в парной от въевшейся за несколько дней пыли, переизбытка солнечного ветра и впечатлений, не видит снов... До первого луча солнца.

Тогда оно вздрагивает и вспархивает, как мотылёк. Новое тело для нового дня. Дня, который, скорее всего, не закончится никогда...

В Байконур решили не ехать.

«Юрка – одержимый. Всё равно у него там вечные авралы... Не обидится...»

Так что к вечеру уже были на Балхаше. Заскочив по пути в Мирный – заправить баллоны газом, взять подробную – «секретную» – карту и кое-что из рыбацких снастей у каких-то знакомых Владимира Максимовича. (Интересно, есть место, где у него нет знакомых или друзей на этой земле? Или в этой галактике?..)

В какой-то момент «секретная» карта доводит всех почти до белого каления.

«Чайники! – кричит Макс, впрочем, без малейшей тени раздражения. – Вы и звезду «Плейбоя» в президиуме на съезде партии не идентифицируете! Имейте терпение, я вас в такое место привезу!»

И привозит.

Правда, уставший от дневного перегона Лёха влетает в солончак по самые оси... Но, благодаря счастливому совпадению, по соседству оказывается стоянка семьи кочевника-пастуха. Три верблюда в упряжке с опытным погонщиком, лопаты в крепких руках, наломанные и нарубленные ветки саксаула, твёрдые, как камень, – и через час «шестьдесят шестой» вновь на твёрдой почве.

«Слишком близко к дельте Или[7 - Река, впадающая в Балхаш.] забрали», – комментирует Макс и о чём-то недолго говорит с кочевником.

И ещё пара часов проходит в поисках идеальной прибрежной стоянки.

В какой-то момент Лёха, безропотно – в отличие от остальных – подчиняясь чётким указаниям штурмана Владимира Максимовича с его «секретной» картой, вырубивая между очередной сопкой и крутым бугристым барханом, вдруг резко тормозит. Перед глазами открывается бесконечная, с лёгким намёком на желтинку, синева озера. Появления которого, судя по хмурым потным лицам, уже никто не ждал.

Все, кроме Лёхи, высыпают из машины и, крича и подтрунивая над собственной быстро прошедшей нервозностью, бросаются к берегу. Лёха медленно трогается и спускается ниже, на твёрдую площадку около скал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Местное название характерной «трёхгорбой» горы в Лисьей бухте.

2

Партия в преферанс.

3

Ангренское угольное месторождение.

4

Шымкент.

5

Мойынкум (каз.) – песчаная пустыня на юге Казахстана.

6

Сальвадор Дали, «Постоянство памяти», 1931. Холст, масло. Музей современного искусства, Нью-Йорк.

7

Река, впадающая в Балхаш.

Купить: https://tellnovel.com/ru/solomatina_tat-yana/otoyti-v-storonu-i-posmotret

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)